

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

«ЖУРНАЛ СИАМСКОГО ОБЩЕСТВА» (1904—1958 г.)¹

В 1904 г. в Бангкоке было основано Сиамское общество (в дальнейшем будем называть его сокращенно — СО). Оно ставило перед собой следующие задачи: сбор исторических хроник, проведение археологических исследований, изучение исторического прошлого Сиама², его культуры и искусства. Общество планировало также изучение антропологического и этнического состава населения Таиланда и предусматривало составление библиографии литературы по Таиланду.

Общество имеет свой печатный орган «Журнал Сиамского общества» (The Journal of the Siam Society, в дальнейшем сокращенно — JSS). Содержание первых номеров JSS, на страницах которых наряду с исследованиями в области истории, языка и т. п. помещались статьи о природе и климате Таиланда, отражает стремление СО к всестороннему изучению страны. В 1914 г. члены СО, занимающиеся естественными науками, создали секцию естествознания и начали издавать журнал «Natural History», являющийся приложением к JSS.

Уже в 1906 г. Сиамское общество завоевало авторитет среди научных обществ, посвятивших себя изучению Азии. Общество поддерживает оживленные связи с другими научными обществами, получает в обмен на свои печатные издания обширную периодическую литературу и участвует в международных научных конгрессах.

В члены Общества принимаются представители всех национальностей, подданные различных стран. В первые годы в состав Сиамского общества входило больше европейцев, чем сиамцев. Для изменения этого положения в 1938 г. решением общего собрания членов СО был облегчен доступ в его ряды тайландской молодежи — выпускникам Университета Чулалонгкорна, Университета моральных и политических наук и других высших учебных заведений (в течение 5 лет они платят взносы в размере 20% от суммы, вносимой рядовым членом СО). Девиз СО — «Знание порождает дружбу». Эта надпись на тайском языке обрамляет голову слона, помещенную на обложке журнала «The Journal of the Siam Society». Слон служит символом Таиланда, идея девиза: знание является силой, объединяющей тайландцев и иностранных членов СО духом дружбы и сотрудничества.

В 1904 г. Общество состояло из 134 членов, в 1958 г. оно возросло до 618 человек.

Члены Общества делятся на почетных, пожизненных членов-корреспондентов, рядовых членов и соискателей (с 1938 г.).

Структура его такова: патроном Общества является король Таиланда; вице-патроном — один из принцев; возглавляет Общество президент, вместе с вице-президентом входящий в состав Совета СО, избираемого собранием его членов и осуществляющего руководство повседневной работой Общества с помощью трех комитетов: финансового, комитета по связи с заграничными научными обществами и редакционного.

В JSS ежегодно печатается отчет Совета СО о проделанной за год работе, дается также краткая характеристика печатных изданий Общества, приводится финансовый отчет. Бюджет СО основывается на членских взносах, пожертвованиях меценатов, а также на доходах от продажи его публикаций, к которым относится как сам журнал JSS с приложением — «The Journal of the Natural History of Siam», так и издание ряда работ, выполненных членами СО³.

СО сплотило группу виднейших ученых, занимающихся историей, искусством, литературой и этнографией Сиама.

В журнале Общества — JSS — печатаются материалы на сиамском, английском, французском и немецком языках. Это доклады, прочитанные на заседаниях Общества, исследования членов СО, информации о деятельности различных комиссий СО и отчеты Совета Общества. Имеется в журнале критико-библиографический раздел, в котором рецензируются новейшие труды, посвященные Таиланду и соседним с ним странам, а также разделы, знакомящие читателя с новейшими публикациями на тайском языке и с интересными статьями в других журналах. В каждом номере журнала указывается, что Общество не несет ответственности за взгляды авторов публикуемых работ.

В год выходит один том журнала, состоящий из двух, трех или четырех частей, издаваемых отдельно или по две-три части в одном переплете. Журнал содержит

¹ Настоящим обзором не охвачены номера журнала, вышедшие в 1953—1957 гг., а также несколько отдельных номеров предшествующего периода.

² До 1939 г. Таиланд назывался Сиамом.

³ Это следующие работы: «Floral Siamensis Enumeration»; W. Gredner, Cultural and Geographical Observations made in the Tali (Yunnan) Region; R. le May, The Coinage of Siam; J. Burnay et R. Lingat, Lois Siamois, Code 1805; «The Mon Dictionary»; J. Black, The Lofty Sanctuary of Khan Phra Vihar; «The Commemorative Publication issued on the occasion of the Society's 50-th Anniversary»; «Descriptive catalogue of the Stamps of Siam»; E. Seidenfaden, The Thai Peoples. (Перечисленные издания указываются нами в том же виде, что и на обложках номеров JSS, без выходных данных).

богатый иллюстративный материал. В 1954 г. в честь пятидесятилетия Общества был издан юбилейный сборник в двух томах, в который вошли избранные статьи из JSS.

JSS — единственный известный нам журнал, посвященный целиком изучению культуры и истории Таиланда. Совершенно очевидно, что ни один специалист, занимающийся этой страной, не может пройти мимо этого издания.

Обратимся к рассмотрению тех материалов в журнале, которые могут представлять интерес для этнографического изучения Таиланда.

Проблеме палеолита и неолита Таиланда посвящена статья Ф. Саразэна «Археологические раскопки в Сиаме» (т. 26, ч. 2, 1933, стр. 171—199), основанная на анализе работ многих западноевропейских авторов, а также на материалах личных археологических исследований автора в пещерах Северного и Южного Таиланда.

Саразэн считает, что «сиамская палеолитическая культура носит весьма примитивный характер. Это культура охотников и собирателей, не знакомых с домашними животными и земледелием» (Указ. раб. стр. 194). Вслед за Гейне-Гельдерном и другими исследователями палеолита Юго-Восточной Азии Саразэн употребляет термин «палеолит» только для обозначения ступени развития культуры, а не для хронологической периодизации. Палеолит Таиланда Ф. Саразэн считает запоздалым и относит его к послеледниковому периоду (стр. 199), а население страны в этот период антропологически — к протомалянезийскому стволу. Культура палеолитического населения Таиланда свидетельствует о связи его с носителями хоабиньской культуры (Саразэн отмечает, что палеолитические слои в Таиланде и Малайе незаметно переходят в неолитические).

В рецензии на работу Ф. Вейденрейха о южнокитайском гигантопитеке и яванском мегантропе (JSS, т. 38, ч. 1, 1950, стр. 1—8) датчанин Э. Зейденфаден, один из президентов Общества, разделяет точку зрения автора этой работы, относящего гигантопитека к древнейшим гоминидам, и высказывает предположение о существовании гигантопитека на территории Северного Таиланда.

В советской антропологической литературе принадлежность гигантопитека к гоминидам подвергается сомнению⁴.

В ряде интересных работ, посвященных проблеме заселения Индокитая и в частности Таиланда (JSS, т. 30, ч. 1, 1937; т. 31, ч. 1, 1939, и др.) Э. Зейденфаден называет аборигенами Таиланда пигмеев-семангов, поддерживая «пигмейскую теорию» В. Шмидта. Советские антропологи показали несостоятельность этой теории. Древнейшим в Индокитае, по их мнению, является «протоавстралоидный» волнистоволосый тип, из которого формируется впоследствии грацильный веддоидный тип; элементы его вошли, в частности, в состав сиамцев, бирманцев, мяо, яо и ряда других народов⁵.

Положение Э. Зейденфадена о волне переселения «протомалайцев и индонезийцев» не вызывает возражений, если имеются в виду южномонголоиды, движение которых в южном направлении действительно начинается в период неолита. Антропологический характер описания последовательных волн миграций народов нарушается у Э. Зейденфадена его словами о вторжении таи, вьетнамцев и прочих, так как совершенно очевидно, что «таи» и «вьетнамцы» — это типологизация не по антропологическому, а по этническому признаку.

В статье «Происхождение вьетнамцев» (JSS, т. 46, ч. 1, 1958) Э. Зейденфаден выступает с поддержкой той части известной теории П. Бенедикта, где высказывается мысль о тесной связи предков таи и индонезийцев, что подтверждается анализом групп крови, проведенным доктором Манэфом и Бэзоьсе у различных этнических групп Северного Вьетнама, показывающим близость нынешних таи к индонезийцам. Прародной индонезийцев автор считает Южный Китай. Э. Зейденфаден не соглашается с проф. Одрикурмом, относящим вьетнамцев к аустро-азиатским народам, считая, что вывод этот основан исключительно на данных лингвистики, без учета фактов этнографии и результатов анализа групп крови.

Первая попытка научной классификации народов Таиланда была предпринята Сиамским обществом в 1920 г., когда в различные районы страны были разосланы анкеты для сбора сведений антропологического и этнографического характера об отдельных народах Таиланда.

В JSS опубликованы ответы на анкеты относительно народов янг кало, или белых каренов (т. 16, ч. 1, 1922, стр. 39—45), яо (т. 19, ч. 2, 1925, стр. 83—128) и лу (т. 19, ч. 3, 1925, стр. 159—169). Первая часть анкеты содержит часто очень далекие от научной методики ответы на вопросы о физическом облике, вторая часть анкеты — о самоназвании описываемого народа, даются краткие сведения о его основных занятиях, пище, одежде, общественном устройстве и семейных отношениях, обычаях и верованиях. Фактические данные, содержащиеся в анкетах, не лишены интереса.

В статье, посвященной обзору образцов одежды различных народов Таиланда (JSS, 1937), Э. Зейденфаден делит его современное население на тайскую, индоне-

⁴ См. М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров, Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии, сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Института этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1961, стр. 326.

⁵ Там же, стр. 336—338.

зийскую, мон-кхмерскую и тибето-бирманскую группы (по лингвистическому признаку). В тайской группе он выделяет 12 народов (тай-юань, тай-вьен, тай-гао, лао сонг-дам, шань, лу и др.), в мон-кхмерской — 8, тибето-бирманской — 11.

Большой интерес представляют помещенные в JSS публикации о малых народах, населяющих Таиланд, написанные на основании полевых исследований.

О народе лава Таиланда пишут два автора — Пра Петчабунбури (JSS, т. 14, ч. 1, 1921, стр. 19—21) и Е. В. Хатчинсон (JSS, т. 27, ч. 2, 1935, стр. 153—182).

Первый автор указывает, что лава — это самоназвание данной народности, тай называют их «чабун». Его небольшая заметка посвящена только лава провинции Петчабун, где насчитывалось всего 528 человек.

Хатчинсон пишет о лава Северного Таиланда. На основании совпадения 50% из 125 взятых им слов языка лава со словами языка ва он делает заключение о близости лава к народности ва.

Некоторые исследователи рассматривают лава и ва как различные группы одной народности⁶. Хатчинсон считает лава аборигенами Северного Таиланда.

Согласно исторической хронике Камадевивамса, монская принцесса принесла в VII в. н. э. цивилизацию и буддизм в долину верхнего Мелинга, населенную лава. Моны считали лава своими «дикими братьями». Затем между лава и монами установился прочный союз.

Во времени тайского завоевания Сиам лава были в Северном Сиаме крупной политической силой. В 1281 г. тайский принц Мэнграй изгнал из Харипунджайи последнего монского короля, захватил Лампанг и во главе его поставил лавского вождя.

Хатчинсон не обнаружил лава около Чиенгмая, но традиция указывает на пребывание их здесь в прошлом.

Основные занятия лава — земледелие и кузнечное ремесло (железную руду они добывают сами). Лава соблюдают строгую моногамию. По верованиям лава — аниимисты, поклоняются духам «пи», которых считают вопрошением сил природы, совершают им жертвоприношения. Хатчинсон склонен истолковывать запрет охоты на носорогов как пережиток тотемистических воззрений лава. В настоящее время, указывает автор, численность лава неуклонно уменьшается.

В JSS (т. 20, ч. 2, 1926, стр. 41—48) приводится информация о племени кха-тонг-луанг, живущем по склонам возвышенности, отделяющей округа Након Роджасима и Удон от долины Нам Пасак; информация получена Э. Зайденафом от Вергени — первого европейца, побывавшего у представителей этого племени. В 1936—1937 гг. это племя посетил Г. А. Бернацки, посвятивший ему вторую часть своей книги⁷.

Соседние лаосцы зовут представителей этого племени «пи тон луанг», это означает «духи увядших листьев». Самоназвание племени — кхон-па («люди джунглей»). На своих стойбищах кхон-па устраивают шалаши из листьев, по одному для каждой семьи. Когда листья увядают, они делают новые шалаши. Отсюда и их название. Кхон-па — племя бродячих охотников. Оно делится на 8 родов, возглавляемых вождями. Должность вождя выборная. Основные занятия кхон-па — охота на крупных животных и сбориание корней и меда. При распределении добычи соблюдается полное равенство. Оружием служат копья с железными наконечниками.

Семья у кхон-па, как правило, парные. Это племя принадлежит, по-видимому, к наиболее отсталой в культурном отношении ветви мон-кхмерской группы народов.

Об аборигенах Индокитая — маукенах, язык которых включается в индонезийскую группу малайско-полинезийской семьи языков, пишет в своей статье Г. А. Бернацки (JSS, т. 31, ч. 1, 1939, стр. 17—28). Сиаццы называют их «чаонам», бирманцы «селон» или «селунг», малайцы — «оранг-лаут» или «оранг-лоута». Их самоназвание — маукен. В Таиланде, по оценке Креднера (1935 г.)⁸, их проживает всего несколько сот человек. Бернацки описывает приемы рыбной ловли, применяемые маукенами. Живут маукены общинами, в которые объединяются жители 5—10 лодок (все время, за исключением периода муссонных ливней, они живут на воде в лодках).

Известного расиста Бернацки маукены интересуют только как удобный для эксплуатации человеческий материал. Наблюдающееся вымирание маукенов волнует его не столько потому, что это является «непоправимой утратой для науки», но главным образом потому, что оно «приносит серьезный ущерб колониальной экономике». Если автор и поднимает вопрос об улучшении жизненных условий маукенов, предостережении эпидемий, то только потому, что таким путем можно извлечь выгоду из мест, к которым не приспособлен ни один другой народ, и к стати принести некоторую пользу населению, т. е. выполнить условие, которое, по мнению Бернацки, не только морально оправдывает колонизацию, но и обеспечивает ее устойчивость на длительное время (?!).

Одной из народностей кхмерской группы в Таиланде, теряющей свою самобытность и ассимилируемой тай или кхмерами, являются куи. Они живут в Таиланде и Кам-

⁶ См. W. Crenndner, Siam. Das Land der Tai, Stuttgart, 1935; Г. Г. Страта нович, Народы мон-кхмерской группы в Бирме, в кн. «Очерки общей этнографии. Зарубежная Азия», М., 1959.

⁷ H. A. Bernatzik, Die Geister der gelben Blätter, München, 1938, стр. 93—184.

⁸ См. W. Crenndner, Указ раб., таблица между стр. 136 и 137.

бодже. Поль Леви опубликовал в 1943 г. работу о предках этой народности, написанную по материалам раскопок, произведенных им в районе Млу Преи в северной Камбодже. Э. Зейденфаден выступает на страницах JSS (т. 39, ч. 2, 1952, стр. 44—90) со статьей, в которой дает оценку выводам П. Леви и приводит данные об этой народности, собранные им во время посещения куй в 1908—1919 гг.

Автор отмечает, что в течение длительного времени идет процесс вытеснения языка куй лаосским⁹ или кхмерским; это в конечном счете может привести к полному исчезновению одного из древних диалектов кхмерского языка. По мнению автора, уже через одно-два поколения в Северном Таиланде может не остаться куйязычной народности.

Район обитания куй в Таиланде ограничен на севере р. Мун, на юге и юго-востоке — горной цепью Дангрек, на западе — Ламчи, провинцией Бурирам и районом Сурин, где население также кхмероязычно.

Кхон-тай зовут куй «соай», что означает «обязанный платить налоги», сами же они называют себя куй (человек). Та часть народности куй, которая изменила свой родной язык на лаосский, стала называться в Таиланде «лаосоай», а на кхмерский язык — «кхмерсоай».

В районах к югу от р. Мун куй живут вместе с тай или с кхмерами. По подсчетам автора, в 1917 г. здесь оставалось не менее 100 000 куй, говоривших на родном языке.

Всего куй, говоривших на родном языке, в 1940-х годах было 118 700 человек, на лаосском и кхмерском — 179 030 человек. В настоящее время число куй, говорящих на своем родном языке, вероятно, уменьшилось. Э. Зейденфаден считает, что куй пришли на Индокитайский полуостров раньше, чем основная масса мон-кхмеров, но затем были оттеснены последними из долины Меконга, с большей части плато Корат. Стремительное продвижение тай в IX—X вв. в южном направлении, завоевание ими в XIV в. всего Северо-Восточного Таиланда сопровождалось культурной и лингвистической ассимиляцией куй.

Куй Таиланда делятся на несколько племен, из них главные — куй май, куй мло, куй е и куй млоа. Они находятся на стадии разложения родового строя. Занимаются куй земледелием, держат скот, славятся как искусные охотники на слонов. Из ремесел у них распространены ткачество, плетение. Едят рис, рыбу, мясо диких животных, что говорит о сравнительной развитости у них охоты. По религии куй буддисты (южной ветви). Автор приводит подробные сведения о местах обитания отдельных племен куй.

По мнению Э. Зейденфадена, куй и поры, населяющие горную область Кардамон, этнически и лингвистически — один и тот же народ (т. е. оба — кхмерской группы).

Порам посвящена статья Ж. Бренга (JSS, т. 2, ч. 1, 1905, стр. 19—48). В ней дается их антропологическая характеристика. В описываемое им время поры еще помнили, что они делились некогда на три племени: салай, ксум и хим. Домá у поров свайные, состоят из двух «комнат» и веранды. Одежда такая же, как у кхмеров. Основные занятия — охота, собирательство, подсечно-огневое земледелие (важнейшая культура — рис).

Рассмотренные статьи о лава, куй, порох и др. представляют определенный интерес для этнографии, поскольку влияние более развитых соседей на эти слабо изученные народы Таиланда может привести в недалеком будущем к полному «растворению» их и потере ими самобытности.

Этнографические материалы в JSS о народах тайской группы в Таиланде немногочисленны и представлены в основном статьями о верованиях и обрядах этих народов.

Перу А. Д. Ирвина принадлежит интересная информация о кхон-тайской (сиамской) демонологии (JSS, т. 4, ч. 2, 1907, стр. 19—34). Автор приводит сиамские наименования всех разновидностей духов и рассказывает об их «добрых делах» и «кознях». К сожалению, Ирвин не идет далее простого описания верований кхон-тай, не пытается вскрыть их социально-экономические корни.

Об обряде, исполняемом при достижении ребенком месячного возраста, мы узнаем из статьи Пья Аниман Роджадона (JSS т. 40, ч. 2, 1952). Тайское название церемонии — «там кван».

Очень интересные сведения об «обряде посвящения», обязательном для исполнителя классического танца, содержатся в работе Д. Юпо (выпущенной в Бангкоке в 1951 г.), краткое изложение которой приводится в разделе «Последние сиамские издания» (JSS, т. 39, ч. 2, 1952, стр. 211). Этот обряд, несомненно, индийского происхождения, проникнут анимистическими представлениями.

Особого внимания заслуживает статья принца Бидьяланкарона «Проведение времени за сочинением стихов и пением в деревнях Сиам» (JSS, т. 20, ч. 2, 1926, стр. 101—127). Автор рассказывает об обычаях, имеющем очень древнее происхождение. В период сбора урожая хозяин приглашает родных и знакомых помочь ему. Они приходят и проводят день как его работники и гости, хозяин кормит и поит их, угощает бетелем и табаком. После работы начинается веселье, сопровождающееся импровизацией песен, танцами, а иногда разыгрыванием сцен на сюжеты из сиамской литературы.

⁹ Имеется в виду язык лаосцев Таиланда.

Судя по описанию, в данном обычае сказывается пережиток первобытнообщинных отношений народа таи. Подобные же обычаи сохранились у таи и других народов Южного Китая и Индокитая (так называемые «танцы под луной»).

Весьма интересное описание похоронных обрядов немногочисленных на территории Таиланда монов принадлежит Р. Холлидэю (JSS, т. 16, ч. 1, 1922, стр. 28—35).

Некоторые сведения по этнографии населения Таиланда можно почерпнуть из разделов «Заметки и сообщения», «Критика и библиография».

Богато представлены в журнале JSS материалы по истории Таиланда. Это публикация сиамских исторических документов с комментариями (JSS, т. 11, ч. 2, 1914—1915; т. 13, ч. 3, 1919); исследование надписей на стелах (JSS, т. 12, ч. 1, 1918; т. 13, ч. 3, 1919); переводы из бирманских хроник (тт. 5, 8, 11, 12, а также г. 46, ч. 2, 1958); материалы об отношениях Сиам с соседними и европейскими странами, (JSS, т. 11, ч. 1, 1914; т. 20, ч. 1, 1926 и др.); исследования по различным периодам истории Сиам (JSS, т. 1, 1904; т. 5, ч. 3, 1908; т. 5, ч. 4, 1908; т. 14, ч. 1 и т. д.).

Птиюгенен в статье «Об источниках по древней истории Сиам» (JSS, т. 2, ч. 1, 1905, стр. 1—13) привлекает внимание читателя к работе французского историка Э. Эймонье о древнем периоде истории Сиам (глава в третьем томе книги «Камбоджа» этого автора). Эймонье дает критический обзор источников по истории Сиам, среди которых он выделяет надписи, хроники и китайские источники. Вопреки сиамским хроникам и общепринятым данным Эймонье относит дату основания города Аюттии не к 1350 г., а к 1460 г. н. э.

Особый интерес представляет работа принца Дамронга Раджанубаба «Сиамская история до основания Аюттии» (JSS, т. 13, ч. 2, 1919, стр. 1—66). В этой статье рассказывается об этапах продвижения таи из Южного Китая на Индокитайский полуостров, о ранних государственных образованиях таи, со ссылками на китайские династийные истории.

В статье «Проникновение западной культуры в Сиам» (JSS, т. 20, ч. 2, 1926 стр. 89—100) принц Дамронг Раджанубаб дает оценку «культуртрегерской» роли европейцев в Сиаме. Большой интерес для специалиста представляет ряд статей, посвященных политической истории стран Юго-Восточной Азии.

Весьма богато представлены в журнале материалы по искусству Таиланда. Они проливают свет на духовную культуру самого многочисленного народа Таиланда — кхон-таи. Те или иные произведения искусства могут при соответствующем подходе к ним исследователя превратиться в источник для выяснения отдельных этапов этнической истории народа. Решение такого на первый взгляд узко специального вопроса как датировка появления сиамских печей для обжига глины, может содействовать уточнению времени прихода таи с севера на территорию Сиам.

В 1930-х гг. на страницах журнала разгорелась дискуссия по вопросу о керамике Таиланда и степени ее самобытности. Поводом к этому послужила статья Прайя Након Пра Рамы «Сиамская керамика» (JSS, т. 29, ч. 1, 1937, стр. 13—36). Автор возражает против общепринятого положения, согласно которому керамические изделия в Саванкалеке стали впервые изготавливаться с помощью 300—500 китайских гончаров, вывезенных королем Сукотайи Рама Камхенгом из Китая в 1294—1300 гг. По его мнению, начало керамического производства на территории Таиланда должно быть отнесено к VI—VIII вв. н. э.

Точку зрения Прайя Након Пра Рамы подвергает сомнению Р. Ле Мэй (JSS, т. 31, ч. 1, 1939), считающий бесспорным китайское влияние на керамику Калонга и относящий её к середине XIII в.

В прошлом считалось, что живопись в Таиланде сравнительно недавнего происхождения и не заслуживает специального исследования. К произведениям искусства подходили скорее как к историко-культурным памятникам, не вдаваясь в вопросы их стиля, сюжета, эстетической выразительности. Эту ошибку пытается исправить в своей небольшой статье проф. Ферочи (JSS, т. 40, ч. 2, 1952, стр. 147—155). Он полагает, что живопись в виде фресок появляется в Сукотайе — первой столице таи, основанной в 1238 г. Эти фрески представляли собой вырезанные на камне орнаменты, покрытые монокромной темперой; нестойкие к сырости, они быстро разрушались.

Живопись испытывала сильное влияние скульптуры. Первые образцы живописи создавались под большим влиянием индийского искусства, но через некоторое время выработался оригинальный сиамский стиль изображений на камне: овальная форма головы, ритмичность и изящество черт лица, волнистые линии фигур, выразительность рук.

С периода Сукотайи вплоть до XVI в. фреска в Сиаме была монокромной. Композиция фресок однообразна: фигуры сидящих будд, украшенные орнаментами, символизирующими нимб. В конце XVII — начале XVIII в. возникает полихромная живопись, усложняется композиция.

Особо следует отметить статью Рене Никола «Театр теней в Сиаме» (JSS, т. 21, ч. 1, 1928, стр. 37—53). Автор имел возможность ознакомиться на месте с работниками и представлениями тайландского театра теней и с большой коллекцией фигур этого театра в королевском Министерстве развлечений в Бангкоке, являвшемся в известной степени музеем драматического искусства.

Р. Никола указывает, как под влиянием западного искусства изменяются или полностью исчезают многие традиционные жанры искусства Востока. Эта опасность

угрожает в настоящее время, по его мнению, и «Нангу» — театру теней, процветавшему в XIII—XIV вв. н. э. В подтверждение древности его происхождения автор ссылается на два документа: свод церемоний при королевском дворце — 1458 г. и мемуары Нанг Ноламат — наложницы короля Пра Руанга.

Искусство театра теней, по мнению Никола, пришло в Таиланд из Индии через Яву. В репертуаре театра теней — сцены из индийского эпоса «Рамаяна», известного в Таиланде под названием «Рамакиен».

Автор подробно описывает технику изготовления кожаных фигур театра теней. Он указывает на имеющиеся разновидности «нанг» — «нанг-рам» и «нанг-рабам», последняя отличается от первой тематикой представлений. Довольно поздно возник смешанный жанр — перед экраном ставились подмости, на которых танцевали актеры — исполнители главных ролей в спектакле, а второстепенные роли представлялись тенями на экране. По мнению автора статьи, введение живых актеров предназначалось для оживления несколько монотонных представлений театра теней.

Статья принца Дхани Нивата (JSS, т. 40, ч. 2, 1952, стр. 133—145) посвящена другому виду традиционного искусства Таиланда, которому, наряду с театром теней, Р. Никола предсказывает скорое увядание — классическому танцу. В ней подробнейшим образом описан костюм исполнителя роли героя в классической сямской драме.

С мнением Р. Никола о ломке традиционных видов искусства в Таиланде под влиянием европейского искусства мы не можем согласиться. Он явно недооценивает глубокие народные корни искусства Таиланда, а с другой стороны, переоценивает силу и значимость влияния на него Запада.

Много в журнале статей по истории сямских буддийских храмов: Ват Сай, Ват Сакет, Ват Маходату, Ват Паворонивеча и др.

Таиландской нумизматике посвящены статьи В. Гардинг Нидлера (т. 29, ч. 1, 1936, стр. 1—12), У. Гюлера (т. 37, ч. 2, 1949, стр. 124—143) и особенно исследование Р. ле Мэя (т. 25, ч. 1, 1932, стр. 1—78), считающееся одной из лучших из опубликованных в журнале работ и сыгравшее значительную роль в росте популярности JSS.

Есть в журнале несколько статей и заметок об отдельных жанрах тайландской литературы.

Лингвистический раздел журнала представлен рядом статей о латинизации сямской письменности, о происхождении сямского алфавита, исследованиями древнейших письменных памятников на тайском языке, исследованиями в области грамматики, фонетики, этимологии тайского языка, материалами по лексике малых народов Таиланда.

За рассматриваемый период — 54 года — «Журнал Сямского общества» развернул широкую деятельность по изучению Таиланда. Особенно много внимания было уделено историческому прошлому этой страны. Публикация на страницах журнала работ виднейших тайландских и европейских ученых делает его источником ценной научной информации. С сожалением отметим, однако, что «Журнал Сямского общества» стоит в стороне от современности, почти не поднимает актуальных научных проблем. Тем не менее он заслуживает внимания специалистов, так как содержит богатый фактический материал и ряд исследований по археологии, истории, этнографии и искусству Таиланда.

Е. Иванова

НАРОДЫ СССР

ЦЕННЫЙ ТРУД ПО КАВКАЗОВЕДЕНИЮ

(М. О. Косвен. *Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы*. М. 1961, 257 стр.)

Автор рассматриваемого труда широко известен как один из крупнейших представителей советской этнографической науки, в течение более 30 лет занимающийся также и кавказоведением.

В советском кавказоведении М. О. Косвен плодотворно продолжает лучшие традиции дореволюционного русского кавказоведения, значительно обогатив тот вклад в этнографию народов Кавказа, который внесли его предшественники и прежде всего М. М. Ковалевский. Исследуя ряд кардинальных проблем истории первобытного общества, М. О. Косвен вслед за М. М. Ковалевским обратил особое внимание на кавказский этнографический материал. Летом 1931 г. М. О. Косвен совершил экспедиционную поездку в Юго-Осетию (Джавское ущелье). Собранный во время этой поездки материал послужил основанием для первой кавказоведческой работы М. О. Косвена — «Из